

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АВТОМОБИЛЬНО-
ДОРОЖНЫЙ ИНСТИТУТ
(ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ)

На правах рукописи

РЕПНИКОВ Александр Витальевич

ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В КОНЦЕПЦИИ
РУССКИХ КОНСЕРВАТИВНЫХ МЫСЛИТЕЛЕЙ
КОНЦА XIX - НАЧАЛА XX ВВ.
(ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Специальность 07.00.02 - Отечественная история

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
канд.ист.наук, проф.
ГОЛУБЕВ С.И.

Москва - 1997

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА I. ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ И ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ ОБЗОР ПРОБЛЕМЫ	8
1.1. Историография проблемы	8
1.2. Характеристика источников	37
ГЛАВА II. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ КОНСЕРВАТОРОВ О ГОСУДАРСТВЕ И ВЛАСТИ	57
2.1. Консервативная оценка принципа государственности.....	57
2.2. Содержание монархического принципа и отличительные черты самодержавной монархии	83
2.3. Иерархический принцип в концепции консерваторов.....	104
ГЛАВА III. КОНСЕРВАТИВНАЯ ОЦЕНКА ЛИБЕРАЛЬНОЙ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ПОСТРОЕНИЯ ОБЩЕСТВА	132
3.1. Либеральная модель государственного устройства и консервативный идеал.....	132
3.2. Отношение консерваторов к социалистической модели государственного устройства.....	150
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	191
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА	198

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы во многом определяется большой значимостью проблемы “традиция и модернизация”. Одной из реалий наших дней становится проблема адаптации старых государственных традиций к новым требованиям времени. Вопрос о необходимости сохранения вневременных традиций обострен в сегодняшней России поляризацией мнений, когда понятия “традиция” и “модернизация” воспринимаются рядом политических партий как антагонистические. При этом с понятием модернизации связывается исключительно заимствование зарубежного опыта, а под традицией понимается выработка собственного пути общественного развития. В свете этого проблема “традиция и модернизация” в контексте отечественной истории неразрывно связывается с проблемой “Россия - Запад”. Должна ли Россия следовать своим самобытным путем или же существует только один общечеловеческий путь развития, универсальный для всех стран? В какой мере в период модернизационных изменений должны учитываться государственные традиции? Обращение к русской консервативной мысли конца XIX - начала XX вв. может помочь в поисках приемлемого соотношения традиционных и модернизационных начал.

Обращение к консервативной идеологии приобретает особо актуальное значение, обусловленное следующими факторами:

- повышенным интересом в научных и политических кругах к изучению феномена российского консерватизма и, в частности, к наиболее выдающимся отечественным консерваторам;
- возникновением в современной России условий для плюралистической оценки традиционализма. В советский период, если взгляды консерваторов и подвергались анализу, то он носил критический характер и отражал дух времени;
- отсутствием совокупного анализа взглядов Н.Я.Данилевского, К.Н.Леонтьева, К.П.Победоносцева и Л.А.Тихомирова;
- общественно-политической значимостью затрагиваемых в диссертации проблем для изучения и обобщения наследия русской консервативной мысли.

Предметом исследования является идеология отечественного консерватизма на рубеже XIX - XX вв. При этом для изучения была выделена проблема государственной власти в идеологических построениях Н.Я.Данилевского, К.Н.Леонтьева, К.П.Победоносцева, Л.А.Тихомирова. Выбор именно этих персоналий обусловлен наличием философско-политической преемственности в их концепциях, что позволило объединить их в группу консерваторов-государственников, которые противостояли как “славянофильской”, так и “западнической” оппозиции самодержавию, развивая собственные оригинальные построения.

Особое значение приобретает выявление общего и отличного в теоретических построениях “славянофилов” и “консерваторов-государственников”. Представители последней группы, имея аналогичные со своими предшественниками взгляды на необходимость самобытного пути развития России, более остро ставили вопрос о необходимости жесткой государственной власти для противодействия политической, экономической и духовной экспансии Запада. Подобный культ государственности всегда отвергался славянофилами, выступавшими в большей мере как либеральные монархисты, чем как монархисты-охранители.

Славянофилы также не могли принять декларируемый государственниками принцип иерархичности и оправдание государственного насилия. В то время как славянофильские концепции нашли отражение в демократизации общества при Александре II, консерваторы в значительной степени ассоциируются с контрреформами Александра III.

Цель исследования - понимание причин и сущности выработки теоретических концепций по укреплению самодержавно-государственной системы, базирующейся на традиционалистских началах.

Хронологически диссертационное исследование охватывает период 1870-х гг. XIX в. - начало 1920-х гг. XX в. Выбор подобных хронологических рамок обусловлен выходом в 1871 г. отдельного издания книги Н.Я.Данилевского “Россия и Европа”, положения которой были отличны от традиционного славянофильства и повлекли за собой дальнейшую разработку проблем российской государственности в

новом ключе. В 1875 г. вышла в свет работа К.Н.Леонтьева “Византизм и славянство”, содержащая систематизацию его философского мирозерцания. Несмотря на то, что труд Данилевского еще не был известен в то время Леонтьеву, обе книги имели много общего в оценках природы общественных изменений. Россия после 1861 г. была уже иной страной, что требовало от мыслителей понимания стремительно меняющейся общественно-политической ситуации. Единство консерваторов, аналогичность их мировоззренческих позиций - все это нашло отражение в книгах и статьях Победоносцева и Тихомирова. В целях решения задач, поставленных в диссертации, хронологические рамки были расширены, поскольку две фундаментальные работы Л.А.Тихомирова “Религиозно-философские основы истории” и “В последние дни” были созданы уже после 1917 г.

В соответствии с целью автором решались следующие задачи:

- проведение историографического и источниковедческого обзора проблемы;
- выявление понимания консерваторами принципа государственности;
- классификация консервативных предпочтений самодержавной монархии, сходство и различие по данному вопросу со славянофилами;
- реконструкция отстаиваемых консерваторами принципов иерархии и жесткой государственной структуры. Наличие сходства и различия по данной проблеме в работах государственников;
- выявление консервативной оценки либеральной и социалистической моделей в применении к государственному устройству России.

Методологическая основа. При написании диссертации был использован компаративный метод исследования. Признание взаимной интеллектуальной толерантности различных точек зрения позволило применить сравнительный анализ как при компоновке и изучении историографии (отечественной и зарубежной), так и при анализе основных работ консервативных мыслителей. При этом необходимо подчеркнуть, что анализ отечественной консервативной мысли в данной работе проводится не в философско-политологическом, а в историческом аспекте, в контексте той исторической реальности, в которой жили и работали отечественные мыслители. При этом, разумеется, нельзя было не затронуть и религиозно-

философские парадигмы консервативного мировоззрения, поскольку они также не могут быть отброшены при изучении столь сложного явления, каким являлся русский консерватизм на стыке XIX и XX вв.

Помимо компонативного метода автором был использован проблемно-хронологический метод, когда выдвигаемые в диссертации проблемы рассматривались в хронологическом порядке. Применение этого метода при анализе историографии позволило проследить как менялось отношение исследователей, представителей интеллектуальной мысли, ученых к феномену консерватизма на протяжении длительного отрезка времени. Удалось также выделить определенную зависимость между оценкой этого феномена и изменениями политико-идеологического характера, которые оказывали определенный прессинг на исследователей.

В каждой из глав диссертационного исследования изучение поставленных проблем было проведено в хронологическом порядке что позволило проследить, как под влиянием модернизационных изменений развивалась отечественная консервативная мысль в лице Н.Я.Данилевского, К.Н.Леонтьева, К.П.Победоносцева и Л.А.Тихомирова.

Практическая значимость диссертации заключается в том, что результаты данного исследования могут быть использованы в обобщающих работах по истории отечественной политической и философской мысли, а также в лекционных курсах по соответствующей тематике.

Научная новизна диссертации состоит прежде всего в том, что проблемы государственной власти в концепции отечественных идеологов консерватизма впервые выделены в комплекс, подлежащий целостному изучению. По отдельности каждый из рассматриваемых в диссертации вопросов изучался в той или иной степени как отечественными, так и зарубежными исследователями, но комплексное изучение данной проблемы предпринято впервые. Более того, автор предпринял попытку синтеза концепций четырех идеологов консерватизма, объединенных им по принципу отношения к вопросам сохранения российской государственности, монархии и духовной традиции в период происходившей модернизации.

В работе опровергается тезис об исключительно “реакционно-охранительном” характере отечественного консерватизма, показывается оригинальность консервативного творчества, актуальность этих разработок, их востребованность и общемировая значимость. Последнее показано на примере влияния теории культурно-исторических типов Данилевского на мировую философскую и научную мысль.

В то же время выявлены и противоречия в консервативных построениях, предпринята попытка, отказавшись от однозначно негативной оценки традиционализма, избежать противоположной крайности абсолютизации исследуемых концепций, что уже можно заметить в недавних историографических исследованиях.

Несмотря на многочисленные публикации последних лет, отечественный консерватизм остается “неизвестной землей” для широкого круга исследователей, а “упрощение” серьезного интеллектуального наследия, проводимое рядом авторов (А.Л.Янов, Р.Мак-Мастер и др.) способно привести к искажению подлинных мировоззренческих постулатов консервативных мыслителей. С целью выявления наиболее достоверных источников информации автор в первую очередь обратился к работам Н.Я.Данилевского, К.Н.Леонтьева, К.П.Победоносцева и Л.А.Тихомирова. Были введены в научный оборот некоторые новые архивные материалы и работы ряда основоположников государственного консерватизма, содержание которых до настоящего времени в научной литературе не подвергалось подробному анализу по причинам идеологического характера. Это касается прежде всего критических замечаний консерваторов в адрес либеральной и социалистической моделей государственного устройства, которые оценивались в советской и зарубежной историографии через идеологическую призму.

ГЛАВА I. ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ И ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ ОБЗОР ПРОБЛЕМЫ

1.1. Историография проблемы

Историографию, посвященную консерваторам-государственникам, можно условно разделить на пять этапов:

1-й этап - с 1870-х гг. XIX в. по 1917 г..

2-й этап - с 1917 г. до середины 1930-х гг.

3-й этап - с середины 1930-х гг. до конца 1960-х гг.

4-й этап - с конца 1960-х до конца 1980-х гг.

5-й этап - сначала 1990-х гг. до настоящего времени.

На первом этапе выход работ Данилевского, Леонтьева, Победоносцева и Тихомирова сопровождался многочисленными откликами на них в среде отечественной интеллигенции. При этом нужно отметить, что о консерваторах и их концепциях писали не профессиональные историки, а философы (Вл.С.Соловьев, В.В.Розанов, Н.А.Бердяев, С.Н.Трубецкой, С.Л.Франк, С.Н.Булгаков), публицисты (Н.Н.Страхов, Ю.Н.Говоруха-Отрок, Е.Поселянин, И.И.Кольшко, Б.В.Никольский, А.В.Амфитеатров, Е.В.Аничков), литераторы (Ф.М.Достоевский, Л.Н.Толстой, А.Г.Закржевский, Ф.Ф.Куклярский, Б.А.Грифцов, А.Белый, Д.С.Мережковский) и богословы (И.И.Фудель, К.М.Агеев, А.П.Храповицкий, И.И.Восторгов).

Несмотря на обилие публикаций, посвященных как персонально консервативным мыслителям, так и их книгам, сложно выделить из них работы научного характера. Современники, часто полемизировавшие с идеологами традиционализма, не стремились к беспристрастному анализу. Роль личных симпатий и антипатий в критических обзорах современников была выявлена в историографическом анализе А.П.Козырева “Константин Леонтьев в “зеркала” наследников”. Выводы этой работы относятся в равной мере не только к Леонтьеву. То же самое можно сказать об оценке современниками Данилевского, Победоносцева и Тихомирова. В критических статьях “классиков русского религиозного ренессанса”. Козырев отметил наличие “склонности к самолюбванию, примысливанию себя к рассматриваемому предмету или, скорее,

предмета к себе”¹. Это “примысливание” своего индивидуального мировосприятия при изложении и критике взглядов консервативных мыслителей в определенной мере свойственно перечисленным выше философам, публицистам, литераторам и богословам. Особенно четко полемичность оценок выразилась в критических статьях либеральных авторов. Наиболее характерными в данном контексте являются критические публикации Вл.С.Соловьева, который, последовательно отстаивая либеральные ценности, подверг рассмотрению теории Данилевского, Леонтьева, Победоносцева и Тихомирова. Именно Соловьев начал либеральную “атаку” на консерваторов-государственников, постепенно втягивая в полемику все новых и новых участников, включая К.Н.Бестужева-Рюмина, К.Н.Леонтьева, П.Н.Милюкова, Н.К.Михайловского и других. До Соловьева построения Данилевского, послужившие, в определенной мере, основой идеологических построений консерваторов-государственников, воспринимались зачастую как что-то незначительное, не требующее серьезных откликов. Соловьев полемизировал с Данилевским еще при его жизни. Poleмика касалась религиозных вопросов и затрагивала взаимоотношения между православием и католичеством. Соловьев считал, что “православие и католичество не исключают, а восполняют друг друга”. Он писал: “...Данилевский может справедливо указать на то, что я заступаюсь за католичество, защищаю его от различных обвинений”².

Основная полемика вокруг “России и Европы” развернулась на страницах “Вестника Европы” и “Русского вестника” уже после смерти ее автора, между Вл.С.Соловьевым и Н.Н.Страховым. Эта полемика выходила за рамки только конкретной работы Данилевского, поднимая “вечные” вопросы об отношении общечеловеческих и национально-русских принципов.

Н.Н.Страхов считал, что книгу Данилевского “можно назвать целым катехизисом или кодексом славянофильства”³. Именно эта страховская оценка “России и Европы” наиболее часто приводится в работах отечественных и зарубежных исследователей. По мнению Страхова, книга Данилевского завершает славянофильское учение, являясь кульминационной точкой развития славянофильской идеи. С другой стороны, Страхов всячески подчеркивал

оригинальность работы Данилевского, который “нигде не опирается на славянофильские учения как на что-нибудь уже добытое...”⁴. Особо подчеркивалось стремление Данилевского дать “более научную” основу национального мировоззрения, чем это было у славянофилов. Здесь на первый план выступала теория культурно-исторических типов, которую Страхов считал исходным пунктом всей книги, хотя относительно рассмотрения Восточного и других вопросов эта теория занимала небольшое место в работе (три главы из семнадцати). Теория культурно-исторических типов представляет наиболее оригинальную и значимую сторону учения Данилевского, не случайно Страхов с одобрением отмечал, что Данилевский “развивает свои собственные мысли и основывает их на своих собственных началах”⁵. Отличие Данилевского от славянофилов именно в оригинальном обосновании особого, самобытного пути развития России, о котором писали и славянофилы, путем обращения к “строго научной” теории культурно-исторических типов. Такое решение “полагающее предел иным несбыточным мечтаниям и сводящее нас на твердую почву действительности” - ставилось Страховым выше славянофильских обоснований самобытности России, как более реалистическое и научно обоснованное⁶.

Вл.С.Соловьев откликнулся статьями “Россия и Европа” (1888 г.) и “Немецкий подлинник и русский список” (1890 г.). В статье “Россия и Европа” он подверг книгу Данилевского критике с точки зрения христианского универсализма. По мнению Соловьева, теория культурно-исторических типов ведет к проповеди национальной исключительности, а само деление человечества на культурные типы весьма поверхностно.

Если для Данилевского сельская община и крестьянский надел это экономическая основа грядущего славянофильского культурно-исторического типа, то для Соловьева “это не есть задаток особо русского будущего, а лишь остаток далекого общечеловеческого прошлого”⁷.

Если для Данилевского русская наука и искусство одна из основ самобытного развития, то, по мнению Соловьева, “русские способны участвовать в общеевропейской научной деятельности приблизительно в такой же мере, как шведы

или голландцы”, а сама наука в России “уже достигла наивысшей ступени своего развития и вступает в эпоху упадка”⁸. Весьма невысокого мнения Соловьев был о перспективах развития русской философии и культуры.

В целом же Соловьев считал, что нельзя обнаружить “никаких положительных задатков или хотя бы сколько-нибудь определенных вероятностей ...для великого и независимого будущего России в области мысли и знания”⁹. Выход для России только в самом тесном внешнем и внутреннем общении с Европой. В противном случае, “утверждаясь в своем национальном эгоизме”, Россия не сможет создать ничего великого или хотя бы просто значительного.

Верно выявив некоторые противоречия в теории культурно-исторических типов, Соловьев отверг научную ценность теории Данилевского. Более того, предпочтение культурно-исторического типа всему человечеству (т.е., условно говоря, национального - общечеловеческому) способствует “всякому дальнейшему понижению нравственных требований”¹⁰. Еще более критически выглядела общая оценка “естественной системы” истории Данилевского. Для Соловьева эта система - “произвольное измышление” и совершенно ненаучный “дефективный” опыт. Тем не менее до конца жизни Соловьев продолжал критиковать эти “измышления” Данилевского.

В статье “Немецкий подлинник и русский список” Соловьев обвинял Данилевского в плагиате теории культурно-исторических типов у Г.Рюккерта (1823-1875), немецкого философа и историка, профессора университета в Бреслау. При этом, по мнению Соловьева, к “заимствованной” теории были добавлены “собственные псевдопатриотические взгляды” Данилевского¹¹. Эта точка зрения долго бытовала в историографии, и только в начале 50-х гг. XX в. американский исследователь Р.Мак-Мастер, проанализировав статью Соловьева, доказал, что тот, переводя тексты Рюккерта на русский язык, произвел определенное “редактирование”, изменяя их в нужном для себя направлении.

Постепенно полемика приобретала все более резкий тон, хотя в письме к Страхову от 6 декабря 1887 г. Соловьев и обещал, что “...ничего оскорбительного для памяти Н.Я.Данилевского в моем разборе не будет”, и собирался “исключить

или смягчить все резкое относительно самих идей и воззрений, излагаемых в “России и Европе”¹². Статья “Немецкий подлинник и русский список” вовсе не отличалась научной взвешенностью и утверждения о “списке” теории Данилевского с “немецкого подлинника” были явным полемическим преувеличением Соловьева. Сходство идеи Г.Рюккерта и теории культурно-исторических типов Данилевского открыто подтвердил и Страхов, но он при этом объяснил этот феномен тем, что сами исторические факты подталкивают разных мыслителей к аналогичным выводам.

На дискуссию обратил внимание и К.П.Победоносцев, крайне враждебно настроенный по отношению к Вл.С.Соловьеву. 1 декабря 1890 г. он писал Е.М.Феоктистову: “Что это еще Вл.Соловьев блядословит в новой книжке “Вестника Европы”? Когда будет возможно, пришлите мне взглянуть”¹³. Исследователи полагают, что грубость Победоносцева и его возмущение вызвала именно статья “Немецкий подлинник и русский список”.

В последнем крупном произведении “Три разговора”, написанном в 1899-1900 гг., Вл.С.Соловьев, обращаясь к взаимоотношению России и Европы, вновь затронул теорию культурно-исторических типов Н.Я.Данилевского. На этот раз мысли Соловьева были высказаны устами одного из участников “трех разговоров” - политика. По его мнению, вариация славянофильства, идущая от Данилевского и направленная “против Европы и нашего европеизма”, тяготеет к проповеди вовсе не православия, а “какого-то китаизма, буддизма, тибетизма и всякой индийско-монгольской азиатчины”¹⁴, минуя “греко-славянскую, православную середину”. На самом же деле “мы бесповоротные европейцы, только с азиатским осадком на дне души”¹⁵. В заключении политик, выражающий точку зрения Соловьева, предложил рассматривать само слово “русские” как прилагательное к существительному “европеец”. Таким образом, уже в последние годы своей жизни Соловьев вновь обратился к критике Данилевского и в речи выдуманного им персонажа - политика, проникнутой убежденным европеизмом, произнес свое последнее слово в адрес теории культурно-исторических типов.

Вл.С.Соловьев занимал видное место среди либеральных интеллектуалов и, в отличие от таких религиозных мыслителей, как В.В.Розанов, Н.А.Бердяев и

С.Л.Франк, не изменил своего критического отношения к русскому консерватизму. Этому не помешали даже дружеские отношения с К.Н.Леонтьевым, который долгое время находился под обаянием личности Соловьева, хотя и исповедовал противоположные взгляды. Так, Леонтьев в своей работе “Владимир Соловьев против Данилевского” однозначно занял сторону последнего. Несмотря на то, что Соловьев критиковал брошюру Леонтьева ”Наши новые христиане. Ф.М.Достоевский и гр. Лев Толстой”, защищая Достоевского “от обвинения в “новом” христианстве”, Леонтьев принял эту критику с уважением.

Причиной разрыва стало чтение Соловьевым 19 октября 1891 г. своего реферата “Об упадке средневекового мирозерцания” в Психологическом обществе. Леонтьев, прощавший Соловьеву критику славянофильства, теории культурно-исторических типов, национализма и, наконец, критику собственных работ, не смог простить мысль о том, что история представляет собой богочеловеческий процесс, имеющий своей целью обожествление человечества и природы в духе Христовом. Он не мог допустить, что этот дух может действовать через атеистов. 23 октября 1891 г. он писал А.А.Александрову: “Изгнать, изгнать Соловьева из пределов Империи нужно...”¹⁶. В то же время нужно учитывать, что реферат находился в тесной связи с другими работами Соловьева, и Леонтьев просто не хотел видеть этого в течение долгого времени, оправдывая в письмах друзьям соловьевские “заблуждения” оригинальным складом ума и молодостью.

Более подробное рассмотрение взаимоотношения Вл.Соловьева и К.Н.Леонтьева получили у И.И.Фуделя, знавшего обеих мыслителей. Он так же упоминал о попытках Соловьева написать статью, посвященную Леонтьеву. Статья была помещена в Энциклопедическом словаре Брокгауза-Ефрона, после смерти Леонтьева¹⁷. Разбирая взаимоотношения двух мыслителей, И.И.Фудель отмечал, что оба они пришли к одному и тому же выводу, что “всемирная история уже кончилась”, оба были самостоятельны, независимы и внепартийны в своих взглядах и оба обладали даром художественного прозрения¹⁸.

Что касается Победоносцева, то в его оценке Соловьев был более однозначен, обратив к нему злые слова эпитаграммы:

“В разных поприщах прославился ты много:

Как евнух ты невинностью сиял,

Как пиэтист позорил имя Бога...”¹⁹.

Сам Победоносцев, используя данную ему власть, всячески препятствовал изданию работ мыслителя и крайне грубо отзывался о нем. Так, в 1882 г. он писал П.П.Вяземскому о своем возмущении “Русью”, поместившей статью “полоумного Влад.Соловьева “О церкви и расколе”²⁰. 18 января 1892 г. Соловьев был вынужден обратиться к Победоносцеву с письмом, защищая от запрещения свой реферат “Об упадке средневекового мирозерцания”.

Полемизировал Соловьев и с Тихомировым. Последний попытался перенести проблему свободы личности в религиозную область из политической. Соловьев же связал проблему свободы и реальную религиозную политику государства, защищая религиозные традиции всех народов России. По его мнению, все рассуждения о свободе совести можно свести “к следующему умозаключению: общечеловеческий принцип справедливости есть вместе с тем необходимое требование христианства”, иными словами христианские и общечеловеческие принципы взаимосвязаны и нерасторжимы²¹. Постепенно полемика угасла, оставив каждого при своем мнении.

В лице Соловьева, полемизовавшего с идейными концепциями всех четырех консерваторов-государственников, проявилось яркое противостояние “западничества” и “почвенчества”. При этом данное противостояние, хотя и походило внешне на полемику “западников” и “славянофилов”, в корне отличалось от нее, поскольку происходило на новом витке исторического развития, в период активных модернизационных изменений.

Взаимоотношения и взаимооценки славянофилов и государственников получат более подробный сравнительный анализ в самом исследовании, пока же отметим, что Данилевский, Леонтьев, Победоносцев и Тихомиров резко выделялись из рамок традиционного “славянофильства”. Видный исследователь славянофильства Н.И.Цимбаев в своей докторской диссертации отмечал, что историко-философские и социально-политические взгляды Данилевского “не совпадают с воззрениями поздних славянофилов. Истоки взглядов Данилевского не

могут быть прослежены и в раннем славянофильстве”²².

Значительный интерес представляет оценка Леонтьева его современниками-традиционалистами, с которыми он, казалось, должен был быть близок во взглядах. леонтьевский культ государственности в сочетании с органической теорией был отторгнут славянофилами. И.С.Аксаков нашел в этих идеях “сладострастный культ палки”, а Н.А.Бердяев и С.Н.Булгаков, обвинив впоследствии Леонтьева в проповеди деспотизма, окончательно отказали ему в преемственности славянофильской традиции. “Западники отталкивают его с отвращением, славянофилы страшатся принять его в свои ряды...”, - писал В.В.Розанов²³.

Немногие сторонники Леонтьева, среди которых был и Л.А.Тихомиров, пытались как-то примирить леонтьевскую доктрину сильной государственной власти и положения “чистого” славянофильства. В статье “Русские идеалы и К.Н.Леонтьев”, возражая критикам из консервативного лагеря, Тихомиров пытался доказать, что “еще старые славянофилы почувствовали необходимость осветить положение России при помощи идеи органического развития”²⁴, а Леонтьев, взявший на вооружение эту идею, вовсе не был реакционером, как доказывал это славянофил А.А.Киреев.

К числу устойчивых традиций, которые сложились в литературе, посвященной отечественным консерваторам, относится ссылка на критические отзывы современников. Многие фразы (например, слова И.С.Аксакова о “культе палки”) стали уже хрестоматийными. Безусловно, для нас представляет большой интерес то, как оценивали современники деятельность и позицию того или иного мыслителя, но при этом необходимо постоянно помнить о наличии в этих оценках субъективности. При этом можно отыскать не только критические, но и положительные отзывы, что и происходило в течение долгого времени, когда исследователи просто отыскивали нужные цитаты современников. Можно было найти цитату как “клеящую”, так и “превозносящую”. В подобной “войне цитат” работы самих консерваторов оттеснялись на задний план, а полемические суждения современников приобретали силу окончательного вердикта.

Мнения современников также не были чем-то застывшим. Происходящие

события заставляли их по-другому посмотреть на воззрения своих политических оппонентов. Это, в частности, касается оценки Леонтьева представителями отечественной религиозно-философской мысли начала XX века. Резкой критике было подвергнуто леонтьевское понимание христианства. Н.А.Бердяев писал: “Леонтьева я решаюсь назвать сатанистом”²⁵. Для него это “страшный писатель”, ищущий в христианстве черты “мрачного сатанизма”, родственные его “больному” духу. Для С.Л.Франка корень мировоззрения Леонтьева - “эстетическое изуверство”. С.Н.Булгаков вообще требовал отлучить Леонтьева от русского культурного типа и поставить его вне традиции православного мирозерцания. При этом особый акцент делался на интеллектуальном одиночестве мыслителя. Для него Леонтьев - человек, выходящий за рамки русского мирозерцания, человек другой эпохи²⁶.

Ярко выраженный нонконформизм леонтьевских взглядов возбудил критику со стороны совершенно различных по убеждениям людей: Вл.Соловьева, П.Н.Миллюкова, Ф.М.Достоевского, Н.С.Лескова, И.С.Аксакова, Н.А.Бердяева, С.Л.Франка, С.Н.Булгакова, Д.С.Мережковского. При этом критиков волновало не отсутствие в леонтьевской философии истории моральных принципов как таковых, а то, что у Леонтьева была иная мораль, отличная от той, что всегда проповедовалась в широких кругах российской интеллигенции. Эта мораль объединяла либералов, славянофилов, народников, умеренных традиционалистов и представляла из себя общечеловеческие принципы, которым Леонтьев рискнул противопоставить мораль ярких и духовно сильных индивидуальностей. Героическую мораль, подкрепленную богословием, он противопоставил морали “демократической середины” (выражение Н.А.Бердяева).

Под влиянием революционных событий начала XX века российская интеллигенция постепенно приходила к осознанию того, что созданные ею модели развития России могут оказаться разрушены жестокой реальностью и нужно не столько стремиться подогнать мир под идеальные концепции, сколько менять свои взгляды, сообразуясь с реалиями времени. С.Н.Булгаков писал в “Вехах” о том, что “невозможны уже как наивная, несколько прекраснородушная славянофильская вера, так и розовые утопии старого западничества”²⁷. Революционные события, трагедия

гражданской войны и вынужденная эмиграция повлияли на оценки религиозными философами своих противников-консерваторов. Это, в частности, проявилось в новых работах Н.А.Бердяева и С.Л.Франка, о чем будет сказано ниже.

Несмотря на острый полемический характер дореволюционных статей, посвященных отечественным консерваторам, в них очень четко выявлен элемент личного отношения к анализируемым концепциям. Авторы не стремились к беспристрастности и в этом определенная ценность их работ, которые позволяют четко проследить реакцию интеллектуальных представителей различных мировоззренческих групп на идеи государственников. В то же время нельзя не замечать и спорные моменты в этих работах.

Мировоззрение консерваторов оценивалось с различных общественно-политических и религиозно-философских позиций. Их отношение к проблеме государства и власти не подвергалось специальному исследованию. Очень большое внимание уделялось данным биографического характера, при этом допускались многочисленные повторы наиболее значимых жизненных событий, в то время как отдельные эпизоды оставались неосвещенными. И самое главное: Данилевский, Леонтьев, Победоносцев и Тихомиров рассматривались по-отдельности, что не позволило дать целостной картины взаимовлияния и взаимопроникновения их идей и взглядов. Весьма слабо прослеживаются попытки сопоставления проектируемой консерваторами идеальной модели государственности и реальной жизни того времени.

Определенный субъективизм в оценках присутствует и в мемуарах людей, знавших “политическую кухню” России. Великий князь Александр Михайлович, С.Ю.Витте, Е.М.Феоктистов, Н.А.Епанчин, обращаясь в своих воспоминаниях к государственной деятельности К.П. Победоносцева, зачастую оценивали ее с учетом личных пристрастий, и в целом весьма критически, хотя и были, подобно ему, монархистами²⁸.

Наряду с многочисленными публикациями мемуарного и полемического характера появляются статьи, носящие исторический анализ консервативной идеологии. Так, в 1907 г. в “Историческом вестнике” вышла работа историка

Б.Б.Глинского “К.П. Победоносцев (Материалы к биографии)”²⁹. Автор объединил и проанализировал подборку различных воспоминаний о Победоносцеве. В работе получили отражение взгляды Победоносцева на самодержавие и общество, его государственная деятельность и те мировоззренческие принципы, на которых эта деятельность базировалась. Автор работы пришел к заключению, что попытки нейтрализации Победоносцевым западной (либеральной) и славянофильской (традиционалистской) оппозиции самодержавию не привели к желаемым результатам. Стремление к консервативной стабильности, без “великих потрясений” оказалось несовместимым с происходящими в России модернизационными изменениями, когда общественное настроение все больше склонялось к поиску радикальных путей решения социально-политических проблем.

В 1911 г. вышел литературный сборник “Памяти К.Н.Леонтьева”³⁰. Имя этого мыслителя все еще оценивалось крайне неоднозначно, в том числе и в консервативных кругах. Из множества статей этого сборника наибольший интерес для исследуемой темы представляет статья А.В.Королева “Культурно-исторические воззрения К.Н.Леонтьева”. В ней получила рассмотрение модель идеального, с точки зрения Леонтьева, государственного устройства. Было подробно проанализировано обоснование иерархического строения государства, критическое отношение к либеральной и социалистической моделям развития общества. При этом Королев постарался исключить из анализа свои личные симпатии и антипатии, что особенно значимо и выгодно выделяется на фоне остальных статей сборника, носящих в основном мемуарно-оценочный характер.

Для второго этапа историографии характерно закрепление в работах советских исследователей резко негативной оценки консерваторов как “мракобесов” и “ретроградов”. Каждому из них была отведена определенная “роль”. Вполне конкретный человек превращался в некий абстрактный символ эпохи, утрачивая свою индивидуальность. Так, Данилевский стал защитником политики великодержавного шовинизма, Леонтьев - апологетом деспотизма и крепостничества, Победоносцев - крайним реакционером, Тихомиров - ренегатом и изменником делу революции.

Неоднократные высказывания консерваторов о пользе для Российской государственности именно монархической формы правления казались их политическим противникам настолько ясными, что их даже не пытались анализировать. Общепринятым в исторической науке стал взгляд на консерваторов, как на фанатичных сторонников самодержавия, сильной государственной власти и православия.

После крушения самодержавия и начала претворения в жизнь антирелигиозной политики теоретические разработки сторонников самодержавия становились “не актуальными” даже как “исторический материал”. Поэтому Данилевский и Леонтьев были практически забыты. Тихомиров интересовал советских исследователей больше как “рenegат”, чем как серьезный теоретик монархизма.

В то же время после революции исследователи получили возможность широко публиковать и изучать переписку такого крупного государственного деятеля самодержавия, как К.П.Победоносцев.

Влияние К.П.Победоносцева на взгляды и политику Александра III стало основным предметом исследований Н.Н.Фирсова (1924 г.) и Ю.В.Готье (1928 г.)³¹. При этом оба исследователя обширно использовали переписку Победоносцева, анализируя его путь к вершинам власти.

Постепенно на первый план в характеристике К.П.Победоносцева вышел его убежденный монархизм, антилиберальная и антиреволюционная направленность его деятельности. Все это рассматривалось как воплощение его реакционной сущности и “мракобесия”. Постепенно обращение к взглядам Победоносцева свелось к определенному набору исключительно негативных оценок.

Имя К.Н.Леонтьева вообще надолго исчезает из упоминания. Во вступительной статье к воспоминаниям Леонтьева исследователь Н.Л.Мещеряков поставил его труды на одну ступень с разработками идеологов фашизма. “Страх перед неуклонно надвигающейся революцией диктовал К.Леонтьеву и диктует теперь фашистам одинаковые или очень сходные мысли и настроения”, - писал советский исследователь в 1935 г.³² После этого имя Леонтьева было предано

забвению. Та же участь постигла и Данилевского. Определенный парадокс истории, отмеченный впоследствии западными исследователями, заключался в том, что, предав Данилевского забвению, И.В.Сталин во второй половине 40-х годов следовал в русле его геополитических разработок.

Л.А.Тихомиров упоминался в работах, посвященных истории революционного движения в России обычно как “ренегат”, а его монархическая публицистика и концепция “монархической государственности” не рассматривались на серьезном исследовательском уровне.

В этот же период в русской эмиграции происходит определенный мировоззренческий поворот. Либеральные критики консерватизма корректируют свои позиции. В 1926 г. Н.А.Бердяев выпустил в Париже фундаментальную работу “К.Н.Леонтьев (Очерк из истории русской религиозной мысли)”³³. Оценка политических взглядов Леонтьева в этой работе уже иная, чем та, которой Бердяев придерживался до революционных событий. Стремление к сильной государственности, призывы к иерархии и дисциплине, если и не получили полного одобрения, то во всяком случае уже рассматривались с пониманием и сочувствием. Аналогичным образом отнеслись к Леонтьеву и многие другие русские эмигранты-интеллектуалы. После революционных потрясений они были склонны менее нетерпимо относиться к предупреждениям и концепциям традиционалистов.

В другой работе “Философия неравенства”, вышедшей в Берлине в 1923 г. и имевшей подзаголовок “Письма к недругам по социальной философии”, Бердяев повторял многие основополагающие мысли Леонтьева. Он осуждал не только большевизм и социализм, но и либерализм с демократией. Бытие для него теперь было связано с неравенством, а качество личности и дух ставились выше количества, общества и материи. Ю.П.Иваск и другие исследователи творчества Леонтьева отмечали, что в “Философии неравенства” присутствовали те леонтьевские принципы, которые категорически отвергались Бердяевым в его дореволюционных работах.

С.Л.Франк в эмиграции отметил, что Леонтьев с гениальным прозрением предсказал “предстоящую коммунистическую революцию в России”, а его взгляды

представляют собой “очень глубокий и поучительный тип христианского мировоззрения...”³⁴.

В 1937 г. в Париже вышло исследование протоиерея Г.В.Флоровского “Пути русского богословия”³⁵, в котором в числе других мыслителей рассматривались К.Н.Леонтьев и К.П. Победоносцев. Автор подверг сомнению их искренность в отношении религиозных принципов. В этом Флоровский сблизился с оценками советского историка М.Н.Покровского, хотя и исходил из противоположных, не марксистских посылок. Так, например, оба исследователя были убеждены, что Победоносцев только внешне казался верующим, а на самом деле был поражен “ядовитым безверием”. В работе Флоровского настойчиво проводилась мысль о том, что Леонтьев и Победоносцев были нерелигиозными людьми, мечтавшими только о строгой дисциплине и трактующими религию только в рамках этой дисциплины. При этом характеристики, данные Победоносцеву, носили уничижительный характер: “враг личного творчества”. “скептик”, который “духовной жизни не понимал, но пугался ее просторов”, “ледяной человек” и т.п.³⁶ Флоровский считал, что практические действия Победоносцева привели к созданию иллюзии покоя, но эта иллюзия была развеяна жизнью. Отметим, что критические отзывы о Победоносцеве Флоровского и Бердяева, звучавшие в эмиграции, почти дословно совпадали с мнением советских исследователей (того же М.Н.Покровского).

Для третьего этапа характерно постепенное прекращение в СССР исследований, затрагивавших проблематику русского консерватизма. Имена Данилевского и Леонтьева становятся с этого времени достоянием узкого круга специалистов. Победоносцев и Тихомиров получают определенные “ярлыки” и дальнейшее изучение их наследия признается нецелесообразным.

В то же время на Западе в послевоенный период наблюдается всплеск интереса к российским религиозно-философским мыслителям конца XIX - начала XX вв.

Из работ исследователей-эмигрантов заслуживают внимание “История русской философии” и “Русские мыслители и Европа”, написанные богословом В.В.Зеньковским. Вышедшие в конце 40-х - начале 50-х гг.³⁷ в Париже, они были

переизданы в России только спустя 40 лет. Фундаментальный труд “История русской философии” содержит очерк, посвященный биографии и взглядам Леонтьева. Зеньковский отмечал, что культ государственности, свойственный Леонтьеву, вытекал из того, “что он был натуралистом”³⁸. При этом Зеньковский расценивал увлечение натурализмом как масштабное явление, свойственное также Г.Рюккертю, А.И.Герцену и Н.К.Михайловскому.

В работе “Русские мыслители и Европа” Зеньковский сделал ценное наблюдение относительно мировоззрения Леонтьева, считая, что тот “был, конечно, философом реакции, но...защищал реакцию как единственное средство для творческого движения”³⁹. В отличие от “Истории русской философии” эта книга Зеньковского включала в себя очерк, посвященный Н.Я.Данилевскому. Исследуя параллельно взгляды И.С.Аксакова и основоположника теории “культурно-исторических типов”, Зеньковский выявил различия между Данилевским и славянофилами по вопросу возможности синтеза Запада и России. В то же время он отмечал, что Данилевского нельзя полностью обособлять от славянофильства, хотя многие из его идей и используются радикальными антизападниками: “...причину этого... нужно видеть не в логике идей и не в психологии тех, кто их исповедует, а в той объективной почве, на которой зреют люди и их идеи. Не пришло еще время для великого национального синтеза...”⁴⁰.

Зарубежные исследователи также уделили внимание взглядам Н.Я.Данилевского, К.Н.Леонтьева и К.П. Победоносцева. Правда, их трактовка была в значительной степени связана с внешнеполитической ситуацией противостояния двух систем - капиталистической и социалистической. Так, американский исследователь Ганс Кон в своей книге, посвященной русской философии и ее представителям, проводил параллель во взглядах Н.Я.Данилевского и И.В.Сталина на западный либерализм. Кон писал, что Данилевского и Сталина объединяла ненависть к “плутократическому духу Запада” и вера в особую миссию России в отношении остального мира⁴¹. Обращаясь к работам К.Н.Леонтьева, Кон особо подчеркнул идею создания социалистической монархии в противовес западному либерализму. Учитывая, что книга Г.Кона вышла в США в 1955 г., можно объяснить

проводимые в ней параллели между Данилевским и Сталиным духом времени.

Другой американский исследователь Эдвард Таден в своей работе “Консервативный национализм в России 19 века”, вышедшей в 1964 г., стремился изложить позицию русских консерваторов, не “демонизируя” их⁴². В книге подробно анализируется позиция Н.Я.Данилевского, К.Н.Леонтьева и К.П. Победоносцева, встречаются упоминания и о Л.А.Тихомирове. Основной акцент делался на то, что консерваторы являлись людьми, пытавшимися спасти дорогие им идеалы в эпоху наступающей капитализации, но все их попытки потерпели крах. При благородстве каждого отдельного мыслителя их действия часто оказывались только вредными. Симпатизируя либерализму, автор отдал должное оригинальности консервативных идей, разработанных в России, и высоко оценил интеллектуальный уровень ряда консерваторов. Стремление к объективной оценке и непредубежденному подходу выгодно выделяет книгу Э.Тадена на фоне других зарубежных исследований.

В 1967 г. в США вышла фундаментальная работа Роберта Мак-Мастера “Данилевский. Русский тоталитарный мыслитель”⁴³. Данилевский для автора - основатель тоталитарной философии, “учитель В.И.Ленина, И.В.Сталина и Адольфа Гитлера”. Работа была прямо направлена на отождествление государственно-политической модели русских консерваторов и русских большевиков. Автор неоднократно сравнивал идеи Данилевского и Маркса. По мнению Р.Мак-Мастера, русский консерватизм и русский социализм одинаково опасны для Запада. Враждебность к капитализму, стремление к экспансии, неприятие буржуазных мировоззренческих ценностей - вот основные черты русского народа. Именно с этих позиций автор оценивал идеи Н.Я.Данилевского. Более подробно книга Р.Мак-Мастера будет рассмотрена во второй главе данной работы, в параграфе, посвященном отношению консерваторов к социализму.

Итальянский историк Эвель Гаспарини дважды (в 1957 г. в Венеции и в 1966 г. в Париже) выпустил свою работу, посвященную Леонтьеву, в которой высоко оценил его систему взглядов⁴⁴. Считая, что Леонтьев был самым крупным реакционером в России XIX века, автор тем не менее включил его в число семи самых выдающихся русских писателей, поставив его наравне с А.С.Пушкиным,

Ф.М.Достоевским и Л.Н.Толстым. Наряду с кратким изложением леонтьевской системы мировоззрения, Гаспарини уделил внимание конкретным прогнозам мыслителя, правда несколько преувеличив их значение. Так, например, он призывал прислушаться к словам Леонтьева всех тех политических и церковных деятелей, кто в настоящее время несет ответственность за “состояние нашего континента”.

В 1968 г. вышла работа американского исследователя Роберта Бирнса “Победоносцев: его жизнь и мысли”⁴⁵. Автор обширного монографического исследования посвятил изучению личности и взглядов Победоносцева значительную часть своей творческой жизни, внимательно изучил архивные материалы, хранящиеся в СССР, и постарался воссоздать внутренний мир своего героя. Для Бирнса Победоносцев вовсе не являлся оригинальным мыслителем и политиком, а скорее был кабинетным ученым, погруженным в прошлое. Стремление “привязать” русский консерватизм исключительно к прошлому вообще было до недавнего времени характерно для большинства исследователей, в том числе и зарубежных.

Забота Победоносцева о государстве и власти противопоставляется в работе Бирнса западному мировоззрению с опорой в первую очередь на индивидуума. Автор, одобряя некоторые нравственные установки Победоносцева, в целом весьма критически оценил его отношения к парламентаризму и демократии, один из компонентов которой составляет индивидуализм.

Заслуживает внимание подмеченная Бирнсом особенность, согласно которой Победоносцев изначально не стремился дать самодержавию чисто рациональное или юридическое обоснование. Западные исследователи верно отмечали сакральное начало государства и власти в мировоззрении консерваторов. При этом они трактовали эту особенность весьма поверхностно, поскольку она имела прямую связь с православным мировоззрением, а религия оставалась за рамками их исследований. В провозглашаемых консерваторами религиозных ограничениях видели прежде всего насилие над личностью. Такое же насилие виделось ими в приоритете государственных интересов над интересами индивидуума. Так, представления Победоносцева о приоритете “деспотического и самовластного правления” Бирнс выводил из его критических взглядов на человеческую природу.

Не ограниченные рамками материализма западные исследователи были ограничены другими мировоззренческими стереотипами и стремились несколько упростить трактовку русского консерватизма под эти стереотипы. Тем не менее это не снижает общей значимости западных работ, посвященных русской консервативной мысли, хотя и обязывает относиться к ним с должной критичностью. В некоторой степени именно благодаря резонансу, вызванному зарубежными работами, советские исследователи обратились к разработке консервативного наследия.

Четвертый этап характеризовался возвращением в советскую историографию имен русских консервативных мыслителей. Это обращение к однозначно “заклейменному” консерватизму представляло из себя вынужденное явление и было в значительной мере связано с необходимостью как-то отреагировать на зарубежные исследования, в которых проводилось сравнение между имперской политикой царской и советской России, между консерватизмом и большевизмом. С другой стороны, обращение к теме консерватизма было обусловлено необходимостью дальнейшего развития отечественной исторической и философской науки.

Практически каждая отечественная публикация, посвященная Данилевскому, Леонтьеву и Победоносцеву, теперь не обходилась без упоминания зарубежных публикаций. наряду с Г.Коном и Мак-Мастером фигурировали более ранние работы (Н.Бердяева), а также статьи дореволюционных публицистов. Авторы затрагивали ранее запретную тему консерватизма, мотивируя свой интерес к “реакционерам” необходимостью ответа “буржуазным фальсификаторам”. Таким образом западные исследования невольно “спровоцировали” возрождение интереса к забытым на родине мыслителям. Теперь уже стало возможным публиковать о них статьи и защищать диссертации.

О связи между зарубежными публикациями и отечественным “ответом” на них свидетельствует не только акцентирование советских исследователей на необходимости отпаведи “буржуазным фальсификаторам, пишущим о преемственности политики СССР - России в ее охрании и экспансионизме”. Характерно, что имя Тихомирова, о котором на Западе не было никаких публикаций, так и осталось забытым.

В 1969 г. из небытия было возвращено имя Леонтьева. В “Вопросах философии” появилось исследование А.Л.Янова “Славянофилы и Константин Леонтьев”, являющееся фрагментом его кандидатской диссертации. Статья начиналась со слов: “Интерес к истории русской консервативной мысли, и в особенности к крупнейшей фигуре ее, К.Леонтьеву, растет на Западе стремительно”⁴⁶. Перечислив ряд зарубежных публикаций, Янов направлял основной удар против книги Гаспарини: “...книга Гаспарини - акция пропагандистская. Причем акция, откровенно рассчитанная на безнаказанность. Акция, превосходно учитывающая пробелы в нашем знании истории русской консервативной мысли”⁴⁷.

Но Янов не только критиковал зарубежных исследователей Он предлагал и свою точку зрения на российский консерватизм. Основная идея Янова состояла в том, что “деспотический стереотип” мировоззрения шел от охранителей (т.е. Леонтьева и других), а славянофилы были его противниками. В дальнейших исследованиях, посвященных данному вопросу, Янов продолжил сравнение леонтьевской государственно-политической концепции и мировоззрения славянофилов. Несмотря на определенную пристрастность, вызванную стремлением нанести удар по “пропагандистской мистификации” о “реальности советско-византийской угрозы”, работы Янова интересны попытками разделения мировоззренческих посылок славянофилов и государственников, олицетворяемых в первую очередь Леонтьевым.

Характерно и появление анализа леонтьевского проекта “социалистической монархии”, что было вызвано частыми упоминаниями об этом проекте в работах зарубежных исследователей. Зарубежная интерпретация отечественного консерватизма отчасти определила тон выходящих в СССР статей.

В 1971 г. была опубликована статья Н.В.Мордовского “К критике “философии истории” Н.Я.Данилевского”⁴⁸. Автор, опираясь на К.Маркса и В.И.Ленина, подверг критическому анализу теорию культурно-исторических типов Н.Я.Данилевского. В качестве недостатков теории отмечалось отрицание интернациональной преемственности в истории, выдвижение тезиса о враждебности

Европы к России и поддержка внешнеполитического курса самодержавия. Проводилось сравнение идей Данилевского, О.Шпенглера и А.Тойнби. Особо подчеркивалось, что западные советологи (Г.Кон), опираясь на идеи Данилевского, пытаются провести параллель между концепцией панславизма и внешней политикой СССР.

В 1974 г. в Германии вышла книга русского эмигранта Ю.П.Иваска “Константин Леонтьев (1831-1891). Жизнь и творчество”⁴⁹. Ее выходу предшествовала огромная исследовательская работа. Автор сумел создать энциклопедическую работу с подробным изложением биографии Леонтьева и его взглядов. Были рассмотрены взаимоотношения мыслителя с Л.Н.Толстым, Ф.М.Достоевским, Вл.С.Соловьевым. Не отделяя Леонтьева от европейской культуры, Иваск наметил точки соприкосновения его идей с идеями Фр.Ницше, О.Шпенглера, Б.Пруста, особо выделил общее и различное во взглядах Леонтьева и французского философа Жозефа А.Гобино.

Относясь критически к приверженности Леонтьева деспотическим формам правления, Иваск отмечал, что в то же время парадоксальные проекты “социалистической монархии” и “подмораживания России” оказались более реальными, чем прогнозы И.С.Аксакова, М.Н.Каткова и даже Ф.М.Достоевского.

Симпатизируя личности Леонтьева, Иваск не стремился оправдать его, видя, в отличие от Гаспарини, в нем не пророка, а прорицателя, поскольку пророк более склонен надеяться на исправление обличаемого им народа, а Леонтьев слишком однозначен в своих прогнозах грядущих катаклизмов.

Особо отмечая сбывшиеся и несбывшиеся прогнозы Леонтьева, Иваск писал: “Леонтьев был трезвее, даже практичнее многих других тогдашних и позднейших истолкователей русской идеи...”⁵⁰. В этой оценке он близок Э.Тадену, так же ставившему высоко прогнозы консервативных мыслителей.

В то же время работа Иваска носит в большей степени культурологический, а не исторический характер. Сам автор признавался в письме А.Н.Богословскому от 11-12 декабря 1975 г.: “Так называемой философии истории Леонтьева я не придаю

большого значения. Как и завиральной теории триединого процесса. Это же детерминизм, т.е. рабская теория!”⁵¹.

В силу ряда причин в СССР было весьма затруднительно проводить комплексное изучение консервативного наследия. Однако возвращение забытых имен отечественных консерваторов на страницы исторических и философских работ уже само по себе было позитивным явлением. В 1978 г. в Ленинграде вышел сборник “Социологическая мысль в России. Очерки истории немарксистской социологии последней трети XIX - начала XX века”, в который вошла глава “Социальная философия неославянофильства”, написанная И.А.Голосенко⁶². Автор подверг подробному рассмотрению взгляды Н.Я.Данилевского и К.Н.Леонтьева. Были отслежены различия во взглядах двух мыслителей, предпринята попытка найти в их концепциях положительные моменты. Автор с одобрением отмечал критику Леонтьевым “отрицательных черт буржуазного прогресса” и “бессодержательности буржуазного либерализма”. Затрагивалось и отношение консерваторов к социализму. В заключении автор критически писал о западных исследователях, которые, подобно Р.Мак-Мастеру, доказывали сходство и идейное родство консерватизма и большевизма в России.

Начало 1980-х годов было отмечено появлением ряда статей, посвященных консерваторам-государственникам. В 1980г. увидела свет статья В.Н.Костылева “Ренегатство Л.А.Тихомирова и русское общество в конце 80-х - начале 90-х гг. XIX в.”⁵³, являвшаяся фрагментом кандидатской диссертации. В статье была подробно проанализирована реакция общества на переход революционера Тихомирова в правительственный лагерь. Давались оценки этого события со стороны монархистов, политической эмиграции, русских революционеров. Были использованы многочисленные источники, в том числе и архивные материалы

К 1981-1982 гг. относится публикация серии статей Л.Р.Авдеевой, посвященных К.Н.Леонтьеву⁵⁴. Обращение к биографии и взглядам этого мыслителя, считавшегося в тот период “крепостником” и “реакционером”, обосновывалось стремлением опровержения работ западных исследователей, чьи книги были связаны “с антикоммунистическим истолкованием религиозно-

идеалистической концепции государства, разрабатывавшейся в работах К.Леонтьева, Н.Данилевского...” и других⁵⁵. Таким образом, зарубежные исследования, порой носившие полемический характер, в значительной мере способствовали появлению ответных исследований в СССР. При этом советские ученые, основывая свои работы на признании “исторической обреченности монархизма” и консерватизма и отвергая критику в адрес социализма, принимали с определенными оговорками отзывы консерваторов о буржуазной системе. В противоборстве социалистического и капиталистического лагерей идеи, высказанные в конце XIX и начале XX веков оказывались весьма злободневны и актуальны. При этом Запад делал акцент на определенной преемственности между российскими и зарубежными мыслителями (Н.Я. Данилевским, О. Шпенглером, П.А.Сорокиным, Тойнби); на прогнозах в отношении грядущих войн и революций и на наличии тождества между русским консерватизмом и большевизмом как двумя тоталитарными моделями. Советская историография, сделав необходимые критические оговорки в адрес “буржуазных фальсификаторов”, стремилась пойти дальше, насколько это позволяли идеологические рамки.

В 1987г. была защищена кандидатская диссертация В.Н.Костылева “Лев Тихомиров на службе царизма: (Из истории общественно-идейной борьбы в России в конце XIX - начале XX вв.)⁵⁶. Эта работа представляла первое в советской историографии исследование деятельности Тихомирова и первый анализ его консервативно-монархической утопии, нашедшей свое отражение в книге “Монархическая государственность”. Автор отмечал, что наследие Тихомирова-монархиста не известно на Западе и незаслуженно забыто в СССР. При этом необходимость изучения монархических работ бывшего революционера объяснялась тем, что многие положения охранительной мысли вошли в арсенал “современного антикоммунизма и буржуазной советологии”.

Автор подробным образом проследил, как, порвав с революционным прошлым, Тихомиров попытался предложить свой собственный проект переустройства монархической системы и нейтрализации революционных радикалов в России. Но правительственным кругам оказался ненужен самобытный и

оригинальный монархист-теоретик. Главный труд Тихомирова - “Монархическая государственность” остался невостребованным, а попытки предложить проекты модернизации самодержавия в период активных социально-экономических изменений были восприняты как нечто утопическое. В результате разочарованный Тихомиров отошел от политической деятельности.

К сожалению, Костылев не смог продолжить изучение жизни и взглядов Тихомирова. Посмертная публикация статьи исследователя “Выбор Льва Тихомирова” в журнале “Вопросы истории” за 1992 г. свидетельствует о серьезной разработке автором идейно-политической эволюции Тихомирова - очень значительной и малоизученной темы⁵⁷.

Для пятого этапа историографии характерно значительное увеличение доступной исследователям источниковой базы. Достаточно сказать, что к настоящему времени переизданы основные работы Данилевского, Леонтьева, Победоносцева и Тихомирова. Многие из этих работ были опубликованы впервые по архивным материалам.

Но гораздо более важно, что произошли кардинальные сдвиги в самом осмыслении места консерватизма в истории России. Постепенно преодолевались ограничения идеологического характера. Стало возможным свободно затрагивать оценку консерваторами социализма и либерализма.

Характерна высокая оценка русских консервативных мыслителей, высказанная со стороны лидера КПРФ Г.А.Зюганова в его докторской диссертации, а также в публикациях: “особое значение при анализе отечественной теории цивилизаций имеют исследования представителей так называемого “консервативно-охранительного” лагеря Н.Я.Данилевского и К.Н.Леонтьева⁵⁸. Это свидетельствует о преодолении предубежденности в отношении консерватизма.

Появление интереса к русским консервативным мыслителям можно заметить в самых различных кругах. При этом традиционалистские концепции часто стремились трактовать в духе современной политической ситуации с целью обоснования своих собственных взглядов.

В 1990 г. в журнале “Нева” были опубликованы отрывки из вышедшей в США книги А.Л.Янова “Русская идея и 2000-й год”⁵⁹. К этому времени Янов уехал на Запад и стал американским профессором. В отрывке, посвященном русской консервативной мысли, Леонтьев и Данилевский были зачислены в проводники политики “деспотизма и имперской экспансии”, что практически дословно повторяет суждения Р.Мак-Мастера. В 1992 г. в статье “Трагедия великого мыслителя (По материалам дискуссии 1890-х годов)” Янов уже не обвиняет Леонтьева, а наоборот стремится “защитить” его от С.Ф.Шарапова, П.Е.Астафьева и других националистов⁶⁰. В том же году в статье “Три утопии” Янов, изложив леонтьевский проект укрепления российской государственности, приходит к выводу, что подобные призывы “идеологов реакционной демократии” оказались сходны с призывами монархических экстремистов начала XX века⁶¹. Подобная переменчивость во взглядах одного и того же исследователя в определенной степени снижает научную ценность его разработок в области истории отечественного консерватизма, поскольку ставит под сомнение искренность его оценок.

В 1994 г. в России была переиздана на русском языке вышедшая в 1993 г. в США книга Уолтера Лакера “Черная сотня. Происхождение русского фашизма”⁶², где было уделено внимание взглядам Данилевского и Леонтьева. Хотя автор и упомянул об этих мыслителях вскользь, он сделал интересное наблюдение, отклонив распространенное на Западе сравнение Данилевского и Сталина, поскольку идеи Данилевского “были весьма далеки от практики тоталитаризма XX века”⁶³. Подобно Г.Кону, Э.Гаспарини и Ю.П.Иваску, У.Лакер также особо выделил предсказания Леонтьева о грядущем государственном социализме в России.

Хотя западные авторы, изучавшие концепции русских консерваторов, и сделали много интересных наблюдений, “пробудив” советских исследователей и подтолкнув их к изучению данной проблемы, нельзя целиком полагаться на их оценки.

В 1991 г. были изданы две монографии отечественных исследователей А.А.Королькова и А.Ф.Сивака, посвященные К.Н.Леонтьеву⁶⁴. В работе Королькова “Пророчества Константина Леонтьева” социально-политическое, философское и

литературное наследие мыслителя получило рассмотрение через призму современности. Автор убедительно показал современность идей Леонтьева, обусловленную тем фактом, что в конце XX века перед Россией опять встал вопрос о “выборе пути”. Корольков также развил распространенный в историографии тезис о интеллектуальном “одиночестве” Леонтьева, считая, что его идеи остались непризнанными и не оцененными современниками.

А.Ф.Сивак, напротив, расценил это “одиночество” как миф, созданный с подачи В.В.Розанова и укрепленный авторитетом Н.А.Бердяева, считая, что Леонтьев был “хорошо известен в русских интеллектуальных кругах”. Вопрос о востребованности идей Леонтьева проходит через книги обеих авторов, как и акцентирование внимания на судьбе России, ее противостоянии западным ценностям. При этом авторы не только рассматривают “триединую идею развития”, религиозные и литературные взгляды Леонтьева, но и попутно опровергают мысль о нем, как о “реакционере”, “националисте” и “крепостнике”. В целом эти монографии сыграли позитивную роль как в изучении мировоззрения Леонтьева, так и в разоблачении многочисленных идеологических штампов, которыми в течение долгих лет было окружено имя мыслителя.

В период 1991-1995 гг. публикуется серия статей историка А.Ю.Полунова, в которых исследуется жизнь и государственно-политическая деятельность К.П.Победоносцева⁶⁵. Автор стремился показать неоднозначность и трагическую противоречивость этого государственного деятеля, отвергая крайние точки зрения. При этом была проделана значительная работа для того, чтобы очистить имя Победоносцева от пропагандистских “ярлыков”. Было прослежено изменение взглядов Победоносцева от умеренно-оппозиционных до консервативно-охранительных. Подобную трансформацию автор объяснял реакцией в духе традиционализма на разрушительные последствия европеизации российской жизни.

Подробному рассмотрению деятельности Победоносцева на посту обер-прокурора Святейшего Синода посвящена монография А.Ю.Полунова “Под властью обер-прокурора. Государство и церковь в эпоху Александра III”, вышедшая в 1996 г.⁶⁶ Круг источников, привлеченных Полуновым, достаточно широк и разнообразен.

Он включил в себя обер-прокурорские отчеты, документы из архивов Синода, публицистику, мемуары, письма Победоносцева. Глобальные проблемы церковно-государственных отношений выходят далеко за рамки практической деятельности обер-прокурора, заставляя задуматься о месте и роли церкви в жизни общества. По мнению автора, Победоносцев, будучи неординарной личностью, стремился к духовному обновлению российского общества через православную церковь, но “зачастую усердие обер-прокурора приносило лишь вред”⁶⁷. Вина же за этот вред лежит не только на конкретном человеке, но и в определенной степени на обществе, которое не стремилось к духовному обновлению, предпочитая внутренней вере выказывание внешней, формальной, благонадежности.

Таким образом, даже бесспорно позитивные предложения Победоносцева оказывались “непроходными” или же выполнялись чисто формально, что постепенно подрывало веру и в самом обер-прокуроре, склонявшемся к применению насильственных средств “убеждения”.

В последние годы в центре внимания отечественных исследователей оказался и главный труд Тихомирова “Монархическая государственность”. Появились статьи Ю.Булычева, И.Исаева, С.Б.Неволина, В.Белова⁶⁸. Все они, за исключением статьи Неволина, были опубликованы в журналах, что обусловило краткость изложения. Авторы пересказывали в сжатом виде основные биографические сведения из жизни Тихомирова и основные положения его книги. При этом публикации носили ознакомительный характер, с чем было связано отсутствие научных комментариев.

Статья С.Б.Неволина, вошедшая в антологию русской философии конца XIX - середины XX вв., отличается научным подходом к рассмотрению тихомировской модели монархической государственности. Автор подробно рассмотрел теоретическое обоснование Тихомировым монархической власти, роль церкви в государстве, отметил общее во взглядах Тихомирова, Леонтьева и Победоносцева по отдельным вопросам. В конце статьи была приведена библиография основных работ Тихомирова.

С началом переоценки взглядов на отечественную историю стало возможным более непредубежденно рассмотреть взгляды консерваторов на либерализм и

социализм. В связи с этим на первый план вышло имя К.Н.Леонтьева, как наиболее последовательного критика этих концепций. Ему была посвящена глава в монографии С.С.Секиринского и Т.А.Филипповой “Родословная российской свободы”⁶⁹. Авторы проследили леонтьевскую оценку либерализма на примере соотношения его взглядов со взглядами Вл.С.Соловьева. К сожалению, позиция Леонтьева была однозначно истолкована как “демоническое обаяние жестокости и насилия, презрение к христианской кротости и всепрощению...”⁷⁰.

Менее эмоциональная оценка содержится в статье Н.А.Шестакова “Константин Леонтьев и русский либерализм”, автор которой, признавая значение либеральных ценностей, стремился дать идейную эволюцию Леонтьева под воздействием внешних факторов и внутренних размышлений, показывая мучительность отказа от либерализма и выделяя последовательно этапы этого отказа⁷¹. По мнению Шестакова, в истории “взаимоотношений” Леонтьева и либерализма отразилась реальная история России эпохи Реформы-Контрреформы.

Крайне противоречивые оценки вызвали и высказывания Леонтьева о социализме. При этом, как уже было сказано, проявилось стремление истолковать взгляды мыслителя в духе современной политической ситуации, сделав его своим политическим “союзником”. Произошло “второе пришествие” консерватизма, и цитаты из работ того же Леонтьева можно обнаружить на страницах совершенно противоположных по духу изданий. Особенно это касается оценок социализма.

Так, С.Г.Бочаров, обратившись к идее союза социализма с русским самодержавием, предложенной Леонтьевым, писал: “история не осуществила столь причудливой комбинации и, надо надеяться, уже не осуществит...”⁷². А вот Г.Д.Гачев считал, что Леонтьеву “...вполне эстетически приемлем мог быть восточный деспот Сталин (с его своеобразной... эстетикой...), а ныне Хомейни”⁷³. Одни стремились увидеть в Леонтьеве борца с социализмом, другие, подобно М.П.Лобанову, заметили в “сталинской загадочности” некий “соблазн... в духе К.Леонтьева, видевшего своеобразную красоту во всем, что выходит за пределы усредненности, буржуазной безликости”⁷⁴. Можно с уверенностью сказать, что работы консервативных мыслителей, написанные свыше ста лет назад, оказались

актуальными и в наши дни, о чем свидетельствует их востребованность совершенно различными по мировоззрению кругами. С другой стороны, в отдельных случаях это переводит серьезные религиозно-политические размышления в плоскость публицистики, упрощая их, а порой и искажая в угоду современной политике.

В 1993г. вышел сборник “К.Леонтьев, наш современник”, включивший в себя статьи самого Леонтьева, его современников и сегодняшних исследователей⁷⁵. Особый интерес в нем представляет переиздание статьи А.В.Королева “Культурно-исторические воззрения К.Н.Леонтьева”, а также статьи современных авторов Б.Адрианова “Иерархия - вечный закон человеческой жизни” и Ю.Булычева “Вольнолюбивый певец деспотизма”. Особую ценность статьям придает то, что мировоззрение Леонтьева рассматривается в них не через классовую или политическую, а через религиозную призму.

Заслуживают внимания сборники, вышедшие в серии “Русский путь”. Это двухтомник “К.Н.Леонтьев: pro et contra”, вышедший в 1995 г., и однотомник “К.П. Победоносцев: pro et contra”, вышедший в 1996 г.⁷⁶ В сборниках содержится подборка статей современников, обращавшихся к взглядам этих личностей, и работы более поздних исследователей. Написанные с различных позиций статьи помогают создать представление о том, как воспринимались традиционалистские идеи различными исследователями. Большинство из авторов не стремились к беспристрастности и убежденно отстаивали свою точку зрения, что придает особую ценность статьям Вл.С.Соловьева, С.Н.Булгакова, Н.А.Бердяева и других современников. Сторонники взглядов Леонтьева и Победоносцева так же стремились высказать свою собственную точку зрения, отнюдь не являясь слепыми апологетами консерватизма. В данном контексте пристрастность современников представляет интерес для исследователя.

В эти же сборники вошли переиздания фундаментальных исследований Н.А.Бердяева и Ю.П.Иваска о Леонтьеве, вышедшие за рубежом, и Н.Н.Фирсова и Ю.В.Готье о Победоносцеве, не переиздававшиеся в течение многих лет.

Названные работы несомненно внесли определенный вклад в изучение теоретической концепции отечественного консерватизма, и все же эта проблема

изучена пока недостаточно. До сих пор в исторической литературе нет работ, в которых был бы проведен общий анализ взглядов Н.Я.Данилевского, К.Н.Леонтьева, К.П.Победоносцева и Л.А.Тихомирова, чьи позиции имеют между собой много общего. Только проведение такого анализа может показать эволюцию отношений идеологов отечественного консерватизма к проблеме государственной власти на рубеже XIX-XX вв. Акцентирование на персоналиях, при всей своей важности, не может дать полной картины изменения теоретических посылок консерватизма под влиянием модернизационных процессов, происходивших в этот период в России.

Настоящая диссертация является, таким образом, первой попыткой ликвидировать этот пробел в историографии отечественной консервативной мысли конца XIX - начала XX вв.